

The background of the book cover features a serene sunset scene. The sky transitions from a deep blue at the top to a warm orange and yellow near the horizon. On the left side, the dark silhouette of a tree trunk and its branches is visible against the lighter sky. The overall mood is contemplative and artistic.

Андрей Варвар

Мыслящие заметки

*Или субъективный
опыт отдельно взятой
личности*

Андрей Варвар

**Мыслящие заметки.
Или субъективный опыт
отдельно взятой личности**

«Издательские решения»

Варвар А.

Мыслящие заметки. Или субъективный опыт отдельно взятой личности / А. Варвар — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-936078-6

В дебютном сборнике миниатюр начинающего писателя Андрея Варвара представлен философски осмысленный и художественно выраженный субъективный опыт отдельно взятой личности. Книга предназначена только для избранных читателей, интересующихся философией жизни.

ISBN 978-5-44-936078-6

© Варвар А.
© Издательские решения

Содержание

Благодарность	6
Кнут	7
Почему я расточаю слова	8
Эстетический Герострат	9
21, или Что я понял до 21 года	10
Подслушанный диалог одинокого человека. Часть 1	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Мыслящие заметки Или субъективный опыт отдельно взятой личности

Андрей Варвар

© Андрей Варвар, 2018

ISBN 978-5-4493-6078-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Благодарность

Люди сами не заметили, как посредством меня написали то, что вы читаете ниже...

Посвящаю моей любимой маме.

Андрей Варвар, Михайлоанненка, июль-август 2018 г.

Кнут

Пролетают минуты, секунды, мгновенья...
Пролетарий? Иль Кнут, секущий столетья?
Что «Голодом» потчевал плод в чреве том,

Что том написало – увы! —
только в стол. П
ролетают минуты, секунды, столетья...
Пролетарий? Кнутом сечёт, дабы согреть. Я, Кнута наследник,
счёл за почтение
Круто на след стать, на те же мученья.

Пролетают минуты, секунды, века...
Пролетарий? Кричит: «Товарищ, вы там?
Сечёте под корень секвойю иль как?» – Секунду, я вою
от «Голода»
Гамсуна. /Пролетарий во мне – о чудо! – распластаный/

Истории древо? Наследовать? – К чёрту!
Я
сам по себе, иначе – я мёртвый!

Почему я расточаю слова

Глядя в зеркало в течение дня, я обращаю внимание на своё поросшее кустарником угрюмое лицо – в этом колючем шиповнике в поисках плодов запуталась не одна райская птица, в конце концов улетевшая с окровавленными крыльями восвояси. Я гляжу на целый стог выющихся волос – их так много, что я иногда невольно ассоциирую себя с Самсоном, боящимся вместе с ними потерять и свою силу. Я окидываю взором себя с ног до головы и не могу поверить, что эта хмурая туча всё ещё способна нести саму себя среди людей, не расточая капельки слова.

Тяжёлым, как камень, чувствую я себя; нечто невысказанное, отягощающее моё существование бродит со мной за руку, а мне бы хотелось быть лёгким, освобождённым, парящим, одним словом, – кружевным облаком, плывущим по безмятежному небу. Кто из грозовой, полной слов-капель тучи превратился в еле уловимое, бесформенное, творческое облачко, тому доступно это чувство лёгкости, даруемое освобождением от собственных слов.

Пусть они бурными потоками бегут по крышам, остаются каплями на листиках и, конечно же, уходят и впитываются почвой. Осознание того, что в этой почве однажды буду покоиться и я, что в моей бороде-кустарнике запутаются земляные черви, а не райские птицы; что всё сырое, грязное, подземное совьёт гнездо на моей голове-одуванчике – всё это заставляет меня снова и снова коллекционировать слова-капельки, наполняться ими, чернеть, страдать от их тяжести, отбирать самые переливающиеся на солнце, а порой и совершать чудеса – отливать прохладные снежинки и, наконец, художественно орошать всё вокруг. Я пишу, чтобы стать хотя бы на мгновение счастливым; я пишу, чтобы перед лицом смерти утвердить естество Жизни.

Эстетический Герострат

На развалинах старого дома скапливается пылью эстетика декаданса, ушедшая эпоха досыпает в полуразрушенной кровати, а её умершие хозяева донашивают некогда новую, но теперь уже потрёпанную и покрытую мхом обувь. Из окон тоскливо глядит продуваемое всеми ветрами одиночество, на чердаке шепчется ушедшее знание – это шелест страниц, которые прочитают теперь только земляные черви. В шкафу болтается, будто повешенная на рее времени, осуждённая им на смерть ветхая одежда, а в сердце художника жизни болтается тяжёлая надежда: когда-нибудь кто-нибудь вдохновится эстетикой смерти, чтобы на её руинах воздвигнуть эстетику жизни – картину, музыкальную композицию или, быть может, хотя бы четверостишие. Дождь обливает горькими слезами горящий дом и его поджигателя: в моё время вдохновляются эстетикой смерти, чтобы на её руинах воздвигнуть эстетику смерти, – горящее, дымящееся, а вскоре втоптанное в землю абсолютное Ничто.

21, или Что я понял до 21 года

1.

2.

3.

4. Когда я прыгаю через пропасти стрелок на часах, когда я без труда преодолеваю их, властвую над ними; когда я запираю себя в их пространство, становясь их слугой; когда я волен расточать часы только на своё благополучие, тогда я испытываю чувство «свободы часов» – это моя формула управлять временем.

5. Стремящейся к росту да искоренит любыми способами самое высокое дерево под солнцем – первая заповедь всего становящегося.

6. Любовь да будет сожжена на аутодафе, если её костёр осветит путь к высшим целям.

7. Лучший гость – молчащий гость; но разве он существует? Оригинальность пришедшего в мой дом: сохранить тишину, не проронить ни слова и уйти восвояси. Но разве умеют гости удивлять?

8. Как усовершенствовать киноискусство? Необходимо изобрести совершеннейшее и, вероятно, абсолютно недостижимое для разума человека устройство – регистратор снов.

9. Более всего смерти боится тот, кому положено обессмертить себя своими деяниями.

10. Управляемый сон позволяет трусу примерить платье храбреца.

11. Чем больше город, тем больше обман. То, что было обманом в городе год назад, сейчас обман в деревне. Инкубатор обмана – так называл бы я города.

12. Долгое общение человека с животным не делает животное человеком, но озверяет последнего. Истина коровника.

13. Когда двум не о чем говорить, они осуждают других. Почему бы в таком случае не молчать? Молчание – это искусство, а любое искусство трудно постигается. Почему бы тогда не удалиться им вовсе? Уединение – искусство более изящное и возвышенное, более требовательное к своей гордой персоне, нежели скромное и покладистое молчание. Если закон молчания – сохранение тишины, то правило уединения – сохранение себя незапятнанным липкой грязью осуждения, а это противоречит обезьянней природе человека: ставить себя выше других вопреки обстоятельствам и фактам – суть доминантности.

14. Чтобы ракета поднялась в космос, ей нужно отбросить ступени. Чтобы человек поднялся в космос, ему нужно отбросить людей.

15. О трёх дорогах. Я ковылял по дороге старого: движение моё было безопасно, но испытывал я смертельную тоску, ибо рутиную всё мне казалось. Я неуверенно ступал по дороге нового неокрепшего: как ночной странник пробирался сквозь темноту и всюду виделись мне призраки опасности, но испытывал я великую радость приключения. Я гордо шествовал по дороге нового свершённого: путь мой был почётен, лёгок и приятен. Но не успел я насладиться им, вновь он стал дорогой старого. Три дороги есть суть жизни; одна сменяется другой, но пусть же будут любимы они все.

16. Самоуверенность – сестра поражения, братом же ей доводится гнев. Беспросветная глупость – бабка его, а дед – излишек эгоизма. Велика семья неудавшегося, ибо оно охотнее всего плодится. А где же родители? Сыграли в ящик: поражению должно быть сиротой. Само же поражение – глупый, эгоистичный, самоуверенный, гневный ребёнок, летящий вниз с высокой горы: так учит Спарта. Разбившись о скалы мудрости, уверенности, доброты и здорового эгоизма, он оживает, превращаясь в победу. «Мама!» – вот первое слово на улыбающихся устах его. «Она приказала долго жить, – эхом раздаётся холодный и беспощадный голос истины, – ибо даже победа бывает несчастной».

17. Ценитель слёз. Людям не хватает искусства в обращении друг с другом, поэтому скорее заплачет человек, поражённый в самое сердце музыкой или художественным словом, нежели прольёт он слёзы горя, сокрушаясь о своём гневе на родных и близких. Искусство – большой ценитель слёз.

18. Человеколюбие исследователя жизни: ставить опыты не на других, а на себе.

19. Я видел истинное мужество у женщины и силу духа у той, которая, будучи смертельно больна, весело пела и добродушно улыбалась прохожим, а они сокрушались, горевали, проливая слёзы по двум причинам: красота искусства и собственная бесталанность и неумение. «Как?! У нас есть здоровье, мы полны сил и энергии, но где же несущаяся ввысь наша песня вдвое краше песни этой несчастной?» – удивлялись они в сердце своём и втайне завидовали. Прекраснее всего песня того, кто вдохновляется собственным горем, ибо оно наделено звонким голоском и вопит о себе за сотни вёрст. Одни, будучи больны, жалуются жужжащим звуком в ушах. Иные – растекаются соловьиными трелями по лесу. Вы всё ещё хотите самую красивую песнь? Так испытайте ужасное, не став жужжащей мухой!

20. Так говорило лицо фанатика. Однажды я слышал вопрос-восклицание с примесью гнева, ненависти и искреннего непонимания: как можно не читать одного великого поэта и писателя? Я же расслышал в этом литературном боевом кличе и призыве на эстетические баррикады следующее: как смеешь ты не любить, не преклоняться и не чтить то, что так дорого моим чувствам? Кто дал тебе право выбирать нечто отличное от вездесущего «все», «народ»? Читать лица фанатиков и разбираться в их сентиментах куда полезнее для собственного творчества, нежели разбирать объект их обожания.

21. Я видел людей, похожих на пчелиный рой: тысячи пчёл составляли энергию их. Сколько мёда пользы принесли бы они, если бы попались в руки грамотного бортника и не отдавали своё жало врагам! Они, укушенные, вопили от боли, но вынимали жало. Пчела же падала замертво.

Подслушанный диалог одинокого человека. Часть 1

– Да-да, я вас прекрасно понимаю, ибо сам не раз такое испытывал. Например, вчера ночью, выйдя в сад, я пристально глядел на Луну (Insomnia, увы, заходит ко мне в гости), как будто стараясь найти в ней утешительное, а быть может, и смертельное зелье. Одиночество, понимаете, одиночество особого свойства не даёт мне покоя. Я хоть и человек женатый, имеющий дочь, которая настолько мне близка по духу, что как раз напоминает этот жёлтый диск, отражающий мой заботливо-отцовский солнечный свет, но я всё же среди нескончаемых домашних дел, шума и бытового общения чувствую себя брошенным, покинутым, забытым.

– Даже такой прославленный врач подвержен душевным болезням. Вы исцеляете людей, подбирая единственно верное лекарство в каждом конкретном случае, но при этом за долгие годы исследований собственного естества так и не нашли того, что могло бы вас вылечить от одиночества.

– Посвящая все свои силы служению другим, я утратил способность служить себе. Да и, как я уже сказал, это особое одиночество.

– В чём же заключается описание этой разновидности недуга? Мне, к примеру, знакомо одиночество, имеющее несколько болезненный привкус жгучей необходимости: оставаясь наедине с собой, я начинаю испытывать сильное желание заполнения пустоты, я будто бы вынесенная на берег рыба, жаждущая воды. Нет, я не хочу, чтобы вы подумали, будто я настолько ужасный, мерзкий человек, что противен самому себе; даже наоборот, я люблю себя, но, между нами говоря, у меня врождённая потребность в окружении и его одобрении, похвале; только благодаря этой встречной энергии, заключённой в эмоциях других, я способен находить в себе силы сочинять музыку.

– Вы творческий человек, господин композитор. На мой взгляд, на взгляд человека науки, человека, значительно отличающегося от вас и стоящего на стороне скупающей точности, а не вдохновенной приблизительности, такого рода одиночество и его удовлетворение должны сопутствовать вам всю вашу жизнь; депривация общения обязана быть как можно более продолжительной, а её счастливое завершение – как можно более ярким. Эмоции, эмоции – вот ваше топливо, чтобы складывать ноты и улаживать нас, людей науки, вам нужны трагедии, более того, они – необходимое условие вашей профессии, как необходимое условие моей – правильная диагностика заболевания.

– Совершенно верно, Майто, я уже давно овладел этим искусством симуляции одиночества ради достижения необходимых состояний, благоприятствующих творчеству. Вы приятный в общении человек, я бы очень хотел вам помочь обуздать и вашу болезнь, научиться управлять ею и пользоваться в собственных интересах. Расскажите о ней подробнее.

– Доэ, знаете, я не мастер рассказывать, хоть и произвожу иногда такое впечатление. Разве слова выражают хоть что-нибудь? Разве они не бессмысленны с точки зрения того, что мы действительно хотим сказать, что теплится в нашем охраняемом интеллектуальном огороде, что произрастает на миллионах мыслительных борозд? К чёрту слова. Здесь есть вагон-ресторан с музыкальным инструментом, которым вы так хорошо владеете, а у меня – странное предложение: исполните «Лунную сонату» Бетховена. Пусть моими устами говорит музыка! Но не просто сыграйте, а, исполняя, представляйте меня, человека науки, который с детства хотел играть на музыкальных инструментах, но судьба заставила играть его с инструментами врачебными; человека науки, который стал таковым по необходимости, нужде, неудачному стечению обстоятельств; человека науки, который разряжен в халат, а под ним бьётся останавливающееся, дряхлое сердце искусства...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.